

Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям

Муминова А.М.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru**

Титов А.С.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1280-954X>, e-mail: atitov@hse.ru**

Батхина А.А.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0397-296X>, e-mail: batkhina.anastasia@gmail.com**

Григорьев Д.С.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru**

Цель. Поиск профилей политической идентичности россиян относительно их отношения к консервативной повестке, основным идеологиям, политическим партиям и институтам, а также тестирование связи этих профилей с моральными основаниями и мотивацией оправдания системы и сопротивления изменениям, включая последующий анализ, показывающий, что среди участников является консолидирующим, а что разобщающим, и ключевые измерения, по которым проходит данный раскол.

Контекст и актуальность. Простой анализ отношения к отдельным политикам и политическим партиям и другим субъектам политики не позволяет понять относительно стабильные политические взгляды россиян. При этом идеологическая близость или разногласия не являются психологически случайными даже среди тех, кто слабо разбирается в политике. Всегда присутствуют некие преполитические психологические переменные, отражающие predisposition людей к принятию определенных явных идеологических предпочтений, отражающихся в конкретной конфигурации (профиле) политической идентичности.

Дизайн исследования. Использовался кросс-секционный одновыборочный корреляционный дизайн с использованием данных социально-психологического опроса. Применялся подход, ориентированный на человека, в форме анализа латентных профилей.

Участники. Участниками исследования 1 были 224 человека, а исследования 2 — 125 человек.

Инструменты. Методики, измеряющие моральные основания (Грэм и др., 2011), отношение к консервативной повестке (Эверетт, 2013), оправдание системы (Джост, 2015) и сопротивление изменениям (Вайт и др., 2020), а также термометр чувств (Конверс и др., 1980).

Результаты. Наибольшие различия между профилями политической идентичности россиян наблюдались по позитивному отношению к капитализму, свободному рынку и свободе слова, а также к президенту, патриотизму, монархии, военной и национальной безопасности. Эти различия были связаны с поддержкой текущего российского политического курса и проявлением к нему лояльности. Различия между профилями в большей мере относятся к спланированным моральным основаниям, в то время как идея справедливости была одинаково важна для россиян с любым из обнаруженных профилей.

Выводы. В психологическом плане ключевым компонентом политической идентичности россиян можно считать авторитарное подчинение. С другой стороны, политические взгляды дифференцирует выбор между запросом на безопасность («стабильность») или развитие (т.е. принятие рисков изменений ради будущего развития либо отказ от них в пользу безопасности, стабильности, предсказуемости текущего политического курса).

Ключевые слова: политическая идентичность, политические установки, политическая идеология, моральные основания, оправдание системы, сопротивление изменениям.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Муминова А.М., Титов А.С., Батхина А.А., Григорьев Д.С. Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 104–123. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130107>

Russian Political Identity Profiles: The Role of Moral Foundations, System Justification, and Resistance to Change

Azkhariya Muminova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru

Alexander Titov

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1280-954X>, e-mail: atitov@hse.ru

Anastasia Batkhina

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0397-296X>, e-mail: batkhina.anastasia@gmail.com

Dmitry Grigoryev

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Objectives. To extract profiles of Russian political identity in terms of attitude to the conservative agenda, main ideologies, political parties, and institutions among Russians, as well as to identify the connections of these profiles with moral foundations and motivation for system justification and resistance to change. Subsequent analysis showing what is consolidating and what is divisive among the participants, as well as the key dimensions along which this split takes place.

Background. *A simple analysis of attitudes towards individual politicians and political parties and other subjects of politics does not allow to understand the relatively stable political views of Russians. At the same time, ideological closeness or disagreement is not psychologically accidental, even among those who are poorly versed in politics. There are always some pre-political psychological variables that reflect the predisposition of people to accept certain explicit ideological preferences that are reflected in specific profiles of political identity.*

Study design. *Cross-sectional one-sample correlation design using data from socio-psychological survey. A person-centered approach was applied in the form of latent profile analysis.*

Participants. *There were 224 participants in study 1 and 125 participants in study 2.*

Measurements. *Moral foundations (Graham et al., 2011), attitude toward conservative agenda (Everett, 2013), system justification (Jost, 2015), resistance to change (White et al., 2020), feelings thermometer (Converse et al., 1980).*

Results. *The greatest differences between the profiles of the Russian political identity were observed in the positive attitude toward capitalism, free market, and freedom of speech, as well as toward the president, patriotism, monarchy, military and national security. These differences were related to support for the current Russian political course and the manifestation of loyalty to it. The differences between the profiles were more related to the binding moral foundations, while the idea of fairness was equally important for Russians with any of the profiles found.*

Conclusions. *Authoritarian submission can be considered a key psychological foundation of the Russian political identity. On the other hand, political views are differentiated by the choice between the demand for security (stabil'nost') or development (i.e., accepting the risks of changes for the future development, or abandoning them in favor of security, stability, predictability of the current political course).*

Keywords: *political identity, political attitudes, political ideology, moral foundations, system justification, resistance to change.*

Funding. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

For citation: Muminova A., Titov A., Batkhina A., Grigoryev D. Russian Political Identity Profiles: The Role of Moral Foundations, System Justification, and Resistance to Change. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 104–123. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130107> (In Russ.).

Введение

Политические действия являются одним из основных способов социальных изменений, а готовность участвовать в таких действиях определяется оценкой текущей ситуации. Возникает вопрос о том, какие устойчивые убеждения predisполагают к подобным оценкам? В социальных науках в течение многих лет обсуждается, существует ли политическая идеология как единая, внутренне согласованная система установок и убеждений [31]. Учитывая, что идеологии, как и другие взгляды, обладают высокой сте-

пенью податливости, является разумным рассмотреть именно психологические характеристики политического мышления. В частности, провести различие между относительно стабильным идеологическим ядром, например, состоящим из сопротивления изменениям или принятия неравенства, и более идеологически второстепенными вопросами [9; 10].

Политическая идентичность в отечественной литературе понимается как одна из форм коллективной идентичности, на основе которой актуализируется отношение к «другому» в рамках измерений «свои-чужие» и «друзья-враги», а также

формируется отношение к политическим общностям и событиям, готовность принимать политические решения и проявлять политическую активность [3; 13]. Также отмечается, что основная часть отечественных исследований так или иначе анализирует и интерпретирует политическую идентичность с точки зрения социально-психологического подхода [3].

Сама по себе политическая идентичность предполагает под собой определенный набор взглядов и представлений о желаемой социальной системе, которые разделяются членами социальной группы [3]. Политическая идентичность на групповом уровне определяет различные аспекты общественной жизни и озабоченность различными темами, а также на индивидуальном уровне является важным фактором, имеющим последствия для оценок и поведения в политической сфере, от принятия политического курса до участия в акциях протеста. Кроме того, политическая идентичность выполняет некоторую когнитивную функцию, помогая людям интерпретировать информацию о социальной среде и формировать впечатление и суждения о социальных событиях и других людях. Это понимание политической идентичности в отечественной литературе во многом пересекается с тем, что понимается под функциями политической идеологии [32] и политической ориентации [9].

Политическая культура в России и западных странах, в которых и была проведена большая часть исследований политических установок и идентичности, отличается. За прошедшее столетие в России также произошло несколько стремительных и драматических полити-

ческих изменений, которые повлияли на содержание политических взглядов [35]. Кроме того, даже между постсоветскими странами наблюдаются отчетливые различия [38]. Большинство россиян мало участвуют в деятельности политических партий и поэтому плохо идентифицируют себя с ними. Например, репрезентативный опрос¹ показал, что 46% россиян не указали определенные политические взгляды [5]. При этом ряд исследований политической идентичности демонстрирует, что достаточно высокий процент россиян, в частности, молодежи, имеет диффузную, размытую политическую идентичность и низкий уровень политического интереса [13]. Механизмы партийной идентификации среди молодежи работают в основном на когнитивном, а не на поведенческом уровне [4]. Данные результаты отчасти поддерживает другое исследование, проведенное в нескольких субъектах Российской Федерации, которое также показало, что традиционные и консервативные политические ценности разделяет от 23% до 43% опрошенной молодежи в зависимости от региона [2].

Еще одна работа обозначила ряд парадоксов, характерных для политической идентичности и вовлеченности современных россиян: так, политическая пассивность сочетается с высоким уровнем интереса к политике, а высокая оценка демократии — с наличием авторитарных установок [11]. Самые последние данные во многом свидетельствуют о сохранении данных тенденций [14]. Таким образом, ни отношение к отдельным политикам, ни отношение к политическим партиям и пр. не позволяют понять относительно стабильные

¹ Данные из исследования, проведенного «Левада-Центр». С 05.09.2016 «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

политические взгляды россиян, в то время как самым надежным способом изучения здесь может быть как раз анализ общего отношения к политической власти или социальной иерархии [35].

Идеологическая близость или разногласия не являются психологически случайными даже среди тех, кто слабо разбирается в политике. Всегда присутствуют некие преполитические психологические переменные, отражающие предрасположенность людей к принятию определенных явных идеологических предпочтений [7]. Наиболее общими психологическими основами левых и правых политических взглядов, по крайней мере на Западе, являются упомянутые выше два взаимосвязанных аспекта: (1) эгалитаризм и антиэгалитаризм; (2) открытость и сопротивление изменениям [7; 9; 10]. После Французской революции, говоря упрощенно, консерваторы (правые) обычно сохраняли статус-кво и защищали иерархию и традиции, тогда как их оппоненты (левые) имели тенденцию продвигать социальные изменения в направлении социального, экономического и политического равенства.

Отношение к социальной иерархии и социальному равенству обсуждается главным образом в экономическом контексте справедливости общества, разделенного на богатых и бедных. В то же время необходимость подчинения власти или необходимость изменений проявляется в разных контекстах, от воспитания детей до формы политического правления. В политическом контексте роль государственного контроля в различных сферах является давней и широко распространенной темой в повестке этой проблематики [35]. Поскольку описанное здесь психологическое ядро может быть основано на мощных и относительно стабильных индивидуальных потребностях,

оно может сохраняться как глубинная личностная структура, но поверхностные проявления которой могут измениться в ходе социально-политических дебатов.

Особенности рассмотрения различий между консервативными (правыми) и либеральными (левыми) политическими взглядами для России ранее уже подробно разбирались в литературе [9; 10]. В целом, жители Западной Европы и США по сравнению с жителями Центральной и Восточной Европы различаются в связях консервативных ценностей и отнесения себя к приверженцам левых и правых взглядов. Консервативные ценности более характерны для правых в Западной Европе (так же в США [23]), в то время как в Центральной и Восточной Европе, наоборот, — для левых. Вместе с тем эти ценности сохранения отрицательно связаны с социальным эгалитаризмом в обоих регионах, тогда как только среди жителей Центральной и Восточной Европы они положительно связаны с экономическим эгалитаризмом [28].

В России в *социальном* плане различия во взглядах тех, кого можно назвать приверженцами консерватизма и либерализма, также довольно похожи на те, которые обнаруживаются на Западе. Однако в *экономической* сфере наблюдается некоторая инверсия: когда взгляды, более характерные для приверженцев консерватизма на Западе, более распространены среди тех, кого можно назвать приверженцами либерализма в России, а взгляды, более характерные для левых на Западе, — консерватизма в России. По всей видимости, в России для «консерваторов» экономические взгляды достались в наследство от советской идеологии, в то время как сегодняшний традиционализм (прежде всего религиозный) предлагает четкую позицию только по социальной повестке [9; 10; 19].

Учитывая эти особенности, на наш взгляд, необходимо сочетать рассмотрение спектра «консерватизм-либерализм» («правые»-«левые») в России с непосредственным анализом преполитических психологических переменных в аспекте: (1) эгалитаризм/антиэгалитаризм; (2) открытость/сопротивление изменениям. В современной политической и социальной психологии они хорошо описываются компонентами модели Дж. Даккита [22], а также моделью «консерватизм как мотивированное социальное познание» [31] и ее производной – теорией оправдания системы [32].

В рамках исследовательской программы Дж. Даккита и коллег объясняются политические разногласия, межгрупповая угроза, поддержка неравенства и конкуренции, а также межгрупповые предубеждения. Исследовательская программа Дж. Джоста и коллег тоже обращает внимание на схожий набор когнитивно-мотивационных процессов в ответ на стимулы среды, вызывающие страх, угрозу, потерю контроля и неопределенность. Обе программы обращаются к когнитивно-мотивационным процессам, но на разных уровнях. Если первая описывает поддержание идеологических установок, т.е. реализацию коалиционных аккомодаций к социальной среде, то вторая рассматривает уровень реализации индивидуальных адаптаций к социальной среде [19], поэтому обе исследовательские программы являются взаимодополняющими.

В России периодически проводились исследования в рамках исследовательской программы Дж. Даккита и коллег, однако широкого распространения это направление в отечественной психологии так и не получило, а некоторые имеющиеся результаты уже несколько устарели (например, отношение к Б. Ельцину и М. Горбачеву, учению марксизма-лени-

низма, советским ценностям и т.д.). Тем не менее все же было организовано несколько важных исследований социальных верований россиян. Например, чем сильнее россияне верят в справедливый мир, тем сильнее их национальная идентификация, а чем больше они идентифицируются с Россией, тем большей поддержки они ожидают от политического лидера и тем больше власти ему предоставляют [27]. Кроме того, чем сильнее россияне верят в справедливый мир и чем меньше они верят в опасный мир, тем выше их внутренняя и внешняя политическая самооффективность, которая, в свою очередь, предсказывает готовность участвовать в различных формах политических действий (как нормативных, так и ненормативных) [26]. Также вера россиян в справедливый мир положительно связана с патриотизмом и национализмом, при этом только патриотизм негативно связан с общим отношением к войне, которое, в свою очередь, предсказывает как позитивное отношение к военному вмешательству России в гражданскую войну в Сирии, так и негативное отношение к мирному участию России в этом конфликте [12]. Отдельные характеристики личности в целом также хорошо предсказывают отношение россиян к войне [8].

Что касается исследовательской программы Дж. Джоста и коллег, то мы обнаружили только одно недавнее исследование в России. Полученные данные поддержали выводы из модели «консерватизм как мотивированное социальное познание» и показали, что манипуляции с напоминанием о смерти вызывают более позитивное отношение к государственному контролю в России в шести сферах жизни (экономика, СМИ, политические партии, общественные организации, наука и образование) [35].

Программа исследования

В данной статье предпринята попытка дополнить существующие работы путем построения профилей политической идентичности россиян относительно их отношения к консервативной повестке, основным идеологиям, политическим партиям и институтам, а также выявить связи этих профилей с мотивацией оправдания системы и сопротивления изменениям. Кроме того, поскольку политика также является и моральной темой, это означает, что аксиологические принципы имеют важное значение, которое часто упускается из виду [24; 32; 37]. Поэтому в статье рассматривается связь профилей политической идентичности россиян с моральными основаниями, которые сами по себе тоже являются продуктом мотивированного социального познания и имеют мотивационные основы, служащие оправданию системы [39]. Таким образом, данная статья рассматривает соотношение конфигурации профилей политической идентичности россиян и различных аспектов их мотивации поддерживать статус-кво.

Наше исследование носит поисковый характер, мы используем так называемый *bottom-up approach* (или *data-driven approach*), который способен дополнять и корректировать конфирматорный подход (*top-down approach* или *theory-driven approach*) [30] в сочетании с ориентацией на человека (ОЧ, *person-oriented*), а не переменные (ОП, *variable-oriented*) [20]. Это позволяет обойти ранее высказанные ограничения касаясь рассмотрения спектра «консерватизм-либерализм» в России в рамках ОП [9]. Это обеспечивается тем, что моделированию подвергаются не переменные, как это делается в факторном анализе при ОП, а проводится комплексная группировка людей на основе их ответов по профилям с соот-

ветствующей конфигурацией политической идентичности. Таким образом, полученные результаты с использованием ОЧ будут дополнять, уточнять и расширять проведенные ранее исследования, которые занимались тестированием конкретных гипотез в России [6; 12; 16; 38].

Мы ожидали выделение как минимум двух профилей с систематическими различиями вокруг вопросов, которые сопряжены с поддержкой текущего политического курса и социально-экономической повестки, существующей в общественном дискурсе (т.е. противники или сторонники), которые могли бы быть соотнесены с консервативной и либеральной политической ориентацией в России. Анализ этих различий позволит пролить свет на вопрос, что является консолидирующим, а что разобщающим, а также ключевые измерения, по которым проходит данный раскол.

Исследование 1

Целью данного исследования является определение профилей политической идентичности россиян, охватывающей отношения к консервативной повестке, и их связи с моральными основаниями. Теория моральных оснований предлагает модель для понимания критериев моральной оценки различных событий и поступков [25]. Предполагается, что данная модель может быть полезна для конкретизации картины консерватизма [39].

Основываясь на исследованиях в рамках культурной антропологии и эволюционной психологии, авторы выделяют 5 культурно универсальных обобщенных моральных оснований [29]: *забота* определяется в качестве стремления защитить других (чаще всего уязвимых) от вреда; *лояльность* определяется как потребность

в принадлежности и поддержке определенной группы (например, семьи, нации), групповой сплоченности, в противоположность предательству; *справедливость* относится к следованию справедливому правосудию в соответствии с общими для всех правилами, в противоположность обману и исключительным правам; *уважение* относится к эволюционной потребности в социальной иерархии как к средству поддержания порядка в обществе и выражается в уважении авторитетных фигур, подчинении традициям и властям; *чистота* характеризуется стремлением избегать все неправильное, вредное и патологическое в социальном порядке, иметь возвышенную, менее плотскую жизнь.

Данные моральные основания можно сгруппировать в *индивидуализирующие* моральные основания заботы и справедливости (т.е. те, что основаны на благополучии и защите прав отдельного индивида), которые соотносятся с ориентацией на социальное доминирование в модели Дж. Даккита; и *сплывающие* моральные основания лояльности, уважения и чистоты, связанные с поддержанием групповых интересов и ценностей, которые соотносятся с авторитаризмом правого толка в модели Дж. Даккита [24]. Сплывающие моральные основания связаны с эпистемическими (и в меньшей степени экзистенциальным) мотивами уменьшения неопределенности и угрозы, а также оправдания системы [39]. Мы ожидали, что сплывающие моральные основания будут более важны для профилей с большей консервативной политической ориентацией.

Метод

Участники. Участниками исследования были 224 человека (женщин

35%) в возрасте от 16 до 67 лет ($M=28,8$, $SD=11,9$), 30% были православными, 39% имели законченное высшее образование, а 40% были студентами.

Процедура. Опрос был проведен в 2018 году. Анкета была представлена участникам на русском языке. Те пункты измерительных инструментов, которые ранее не были переведены на русский язык, были адаптированы при помощи метода обратного перевода и серии когнитивных интервью с применением техники «think-aloud» [41], а также с последующим статистическим анализом для определения надежности (внутренней согласованности) и факторной структуры [19].

Инструменты. *Моральные основания.* Тридцать пунктов в переводе Л. Боровой по 6-балльной шкале Ликерта (1=совсем не актуально/абсолютно не согласен, 6=очень актуально/абсолютно согласен) измеряли пять моральных оснований: забота ($\alpha=0,66$), справедливость ($\alpha=0,67$), лояльность ($\alpha=0,66$), уважение ($\alpha=0,70$), чистота ($\alpha=0,79$) [25].

Отношение к консервативной повестке. На основе шкалы социального и экономического консерватизма [23] участникам было предложено оценить набор пунктов, актуальных для консервативной повестки дня в России (например, традиционные ценности, военная и национальная безопасность, однополые браки и т.д.), их просили отметить степень, отражающую позитивное или негативное отношение по поводу каждого вопроса. Оценки близкие к 0 означали более негативное отношение, к 50 — нейтральное, а к 100 — более позитивное.

Анализ данных. С целью классификации участников по характеру их политической идентичности был проведен анализ латентных профилей (АЛП). Решение, определяющее выбор числа профилей, было принято на основе сочетания

нескольких показателей в соответствии с литературой [36]. Дальнейший анализ осуществлялся с помощью дисперсионного и корреляционного анализов.

Результаты

Трехклассовое решение оказалось оптимальным, поскольку оно соответствовало высоким значениям энтропии при значимых тестах отношения правдоподобия и адекватном минимальном числе участников каждого класса.

Результаты сравнения средних по профилям с помощью дисперсионного анализа изображены на рис. 1. Значимые различия ($p < .05$) показывали, что участ-

ников, включенных в Профиль 1 (П1; 37%), можно условно назвать традиционалистами (например, негативное отношение к однополым бракам и абортам, позитивное — к традиционным ценностям и многодетным семьям), а в Профиль 3 (П3; 48%) — их антагонистами. Профиль 2 (П2; 15%), с одной стороны, показывал схожесть с П1 (например, похожее более негативное отношение к однополым бракам и абортам), с другой стороны, с П3 (например, похожее более негативное отношение к патриотизму и традиционным ценностям), а также включал участников с более негативным отношением к капитализму, свободному рынку и бизнесу.

Различия в средних значениях моральных оснований по профилям изо-

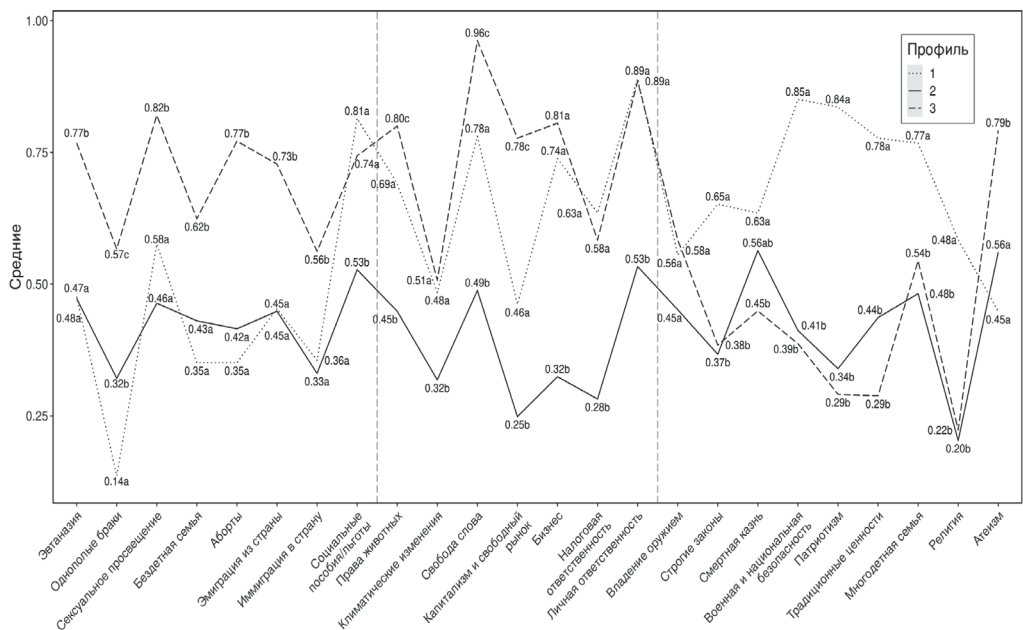

Рис. 1. Результаты сравнения средних значений оценок, связанных с отношением к консервативной повестке (N=224)

Примечание. Буквы а, б и с обозначают наличие или отсутствие статистически значимых различий между сравниваемыми профилями: одинаковые буквы – различий нет; разные буквы – значимое различие обнаружено.

бражены на рис. 2. Не было каких-либо свидетельств различий между профилями в Справедливости. Однако Уважение и Лояльность снижались от П1 к П3, Чистота и Забота были выше для П1 при одинаковом уровне для П2 и П3.

Обсуждение результатов

Итак, в анкетировании, проведенном в 2018 г., мы просили участников оценить отношение к консервативной повестке. Анализ показал, что на основании этих ответов об отношении можно выделить три профиля, которые различались взглядом на то, что исходя из содержания можно обозначить как: (1) эмансипативные ценности (отношение к абортам, однополым бракам, эвтаназии, мигрантам и т.д.); (2) ценности экономического развития (отношение к бизнесу, капитализму и свободному рынку, климатическим изменениям, свободе слова, личной ответственности и т.д.); (3) консервативные религиозные ценности (отношение к религии и атеизму, многодетным

семьям и традиционным ценностям) и (4) государственнические ценности (патриотизм, строгие законы, военная и национальная безопасность и т.д.). Наибольшие различия между профилями наблюдались по позитивному отношению к капитализму, свободному рынку и свободе слова ($P2 < P1 < P3$), а также к патриотизму, военной и национальной безопасности ($P2 = P3 < P1$). Общая тенденция сводится к тому, что для П1 («консерваторы») была характерна позитивная оценка государственных и религиозных ценностей, а для П3 («либералы») — ценностей экономического развития и эмансипации. Это довольно хорошо соответствует отличительным особенностям сторонников консерватизма и либерализма в России, которые были описаны ранее. П2 выделялся негативным отношением к ценностям экономического развития. Вероятно, этот профиль относится к участникам, которые, с одной стороны, не приемлют текущий курс, а с другой стороны, имеют антикапиталистический ресентимент, связанный с ностальгией по советскому

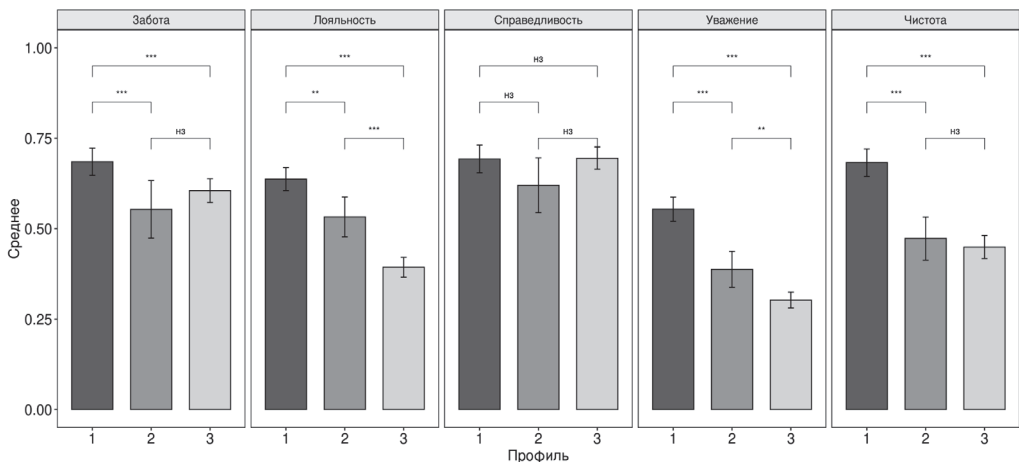

Рис. 2. Результаты сравнения средних значений оценок моральных оснований (N=224).
Примечание. НЗ $p > 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

прошлому, либо в целом с разочарованием современной капиталистической системой.

Различия между профилями в большей мере относятся к спланированным моральным основаниям, которые связаны с мотивацией для оправдания системы [39]. Именно они в России, как было показано, сопряжены с интересом к политике [16] и консерватизмом [18]. Уважение и Лояльность снижались от П1 к П3, а именно эти моральные основания являются основными аспектами компонента авторитаризма правого толка, который носит название «авторитарное подчинение». Интересно, что Справедливость была одинаково важна для участников, принадлежащих к любому из профилей. В целом, вероятно, что все эти различия относятся к патерналистическим установкам и сопротивлению изменениям вследствие общего избегания неопределенности и ответственности за свою жизнь.

Исследование 2

Целью данного исследования является определение профилей политической идентичности россиян, охватывающей отношения к ключевым идеологиям, политическим партиям и институтам, и их связи с сопротивлением изменениям и оправданием системы. В отличие от исследования 1, данное исследование более непосредственно оценивает мотивацию сохранения статуса-кво и отношение к изменениям, тем самым значительно дополняет и уточняет его результаты.

Теория оправдания системы основана на идее сознательной и неосознанной мотивации поддерживать социальные, экономические и политические институты и договоренности, которая связана со стремлением индивидов к защите и

поддержанию статуса-кво [33]. Эта мотивация сопряжена с удовлетворением эпистемологической потребности в избегании неопределенности, экзистенциальной потребности в безопасности и потребности к принадлежности [1]. Наиболее сильно оправдание системы выражено у людей, которые стремятся к предсказуемости, живя в системе, от которой сильно зависят. Теория также утверждает, что разрешение когнитивного диссонанса вследствие неблагоприятного положения групп посредством поддержания статуса-кво проще и эффективнее, чем изменение существующего порядка. Знакомые институты, механизмы, идеи и практики (статус-кво) воспринимаются как естественные и неизбежные, таким образом приобретая чувство легитимности.

Кроме того, сопротивление изменениям (уверенность, что социальная стабильность желательна, а радикальных изменений следует избегать) зачастую предполагает: предпочтение того, что уже существует (т.е. опора на традиции), и если изменения и должны произойти, то лучше, если они будут постепенными и органичными, а не быстрыми и кардинальными [40]. А как известно, люди с консервативной и люди с либеральной политической ориентацией по-разному относятся к медленным, постепенным и быстрым, а также кардинальным изменениям [9]. Мы ожидали, что сохранение статуса-кво и сопротивление изменениям будут более характерны для профилей с большей консервативной политической ориентацией.

Метод

Участники. Участниками исследования были 125 человек (женщин

70%) в возрасте от 16 до 63 лет ($M=29,6$, $SD=11,7$), 58% были православными, 59% имели законченное высшее образование, а 50% были студентами.

Процедура. Опрос был проведен в 2019 году. Процедура была аналогична исследованию 1.

Инструменты. *Оправдание системы.* Восемь пунктов по 7-балльной шкале Ликерта (1=*абсолютно не согласен*, 7=*абсолютно согласен*) измеряли оправдание системы ($\alpha=0,88$) [32]. Участников просили подумать о сегодняшней ситуации в России, примеры пунктов: «Проводимая в нашей стране политика служит улучшению нашей жизни», «В целом, российская политическая система работает так, как должна».

Сопrotивление изменениям. Десять пунктов по 7-балльной шкале Ликерта (1=*абсолютно не согласен*, 7=*абсолютно согласен*) измеряли два аспекта сопротивления изменениям: опора на традиции ($\alpha=0,78$) и потребность в постепенных изменениях ($\alpha=0,77$) [40]. Участников просили подумать об изменениях, которые сейчас происходят в России, примеры пунктов: «В целом, проверенные временем принципы жизни являются наиболее эффективными», «Медленные, постепенные изменения помогают избежать ошибок и катастроф».

Термометр чувств. Мы использовали 100-градусную шкалу термометра чувств (от 0 до 50=*холодное* [отношение]; 50=*нейтральное*; от 60 до 100=*теплое*) [20], чтобы оценить отношение к идеологиям (монархизм, патриотизм, социализм, феминизм, либерализм), политическим партиям (Единая Россия, КПРФ, ЛДПР) и институтам (президент, правительство, Госдума, РПЦ). В конце анкеты участникам задавался вопрос «Говоря в целом, Вы поддерживаете текущий курс, по которому идет Россия?» с бинарным

вариантом ответа (1=*да или скорее да*, 0=*нет или скорее нет*).

Анализ данных. Анализ был осуществлен с использованием набора из тех же методов и той же последовательности шагов, как и в исследовании 1.

Результаты

Двухклассовое решение оказалось оптимальным по совокупности показателей.

Результаты сравнения средних по профилям изображены на рис. 3. Значимые различия ($p<0,05$) показывали, что участники, включенные в П1 (38%), более позитивно относились к президенту, патриотизму и монархии, чем участники, включенные в П2 (62%). Не было никаких свидетельств значимых социодемографических различий между профилями.

Корреляционный анализ, изображенный на рис. 4, показал, что ответ «да» на вопрос о том, поддерживают ли участники текущий курс, по которому идет Россия, был более характерен для участников, включенных в П1 (значимая корреляция между ними была равна 0,24), а также он был сильно положительно связан с уровнем оправдания системы (0,63). У участников, включенных в П1, наблюдался больший фокус на персонафицированную власть (президент, монархизм), в то время как общая поддержка политического курса была связана также и с позитивным отношением к другим институтам (правительство, Госдума, РПЦ) и партиям (Единая Россия и ЛДПР). Не было найдено никаких свидетельств для связи сопротивления изменениям и профилями либо общей поддержкой текущего политического курса. Оправдание системы положительно коррелировало с позитивным от-

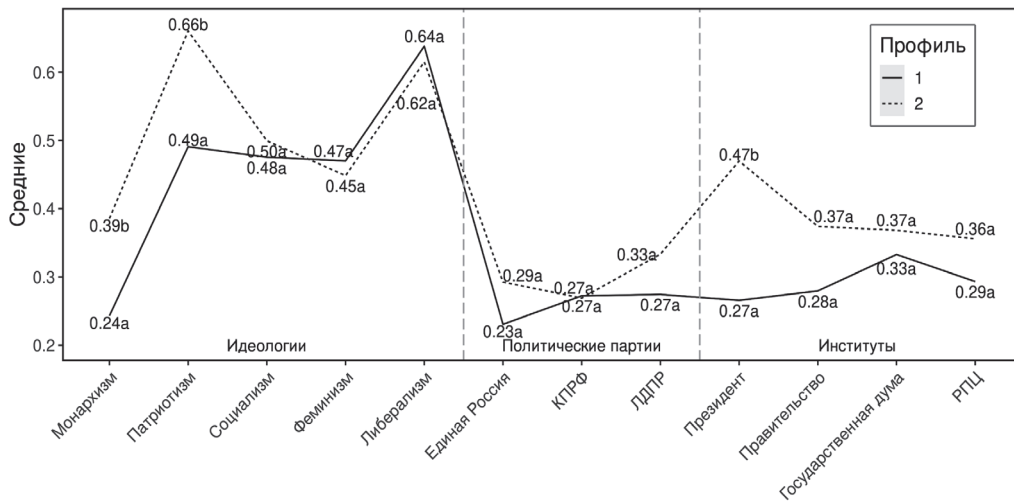

Рис. 3. Результаты сравнения средних значений оценок по термометру чувств (N=125)
 Примечание. Буквы а, b и с обозначают наличие или отсутствие статистически значимых различий между сравниваемыми профилями: одинаковые буквы – различий нет; разные буквы – значимое различие обнаружено.

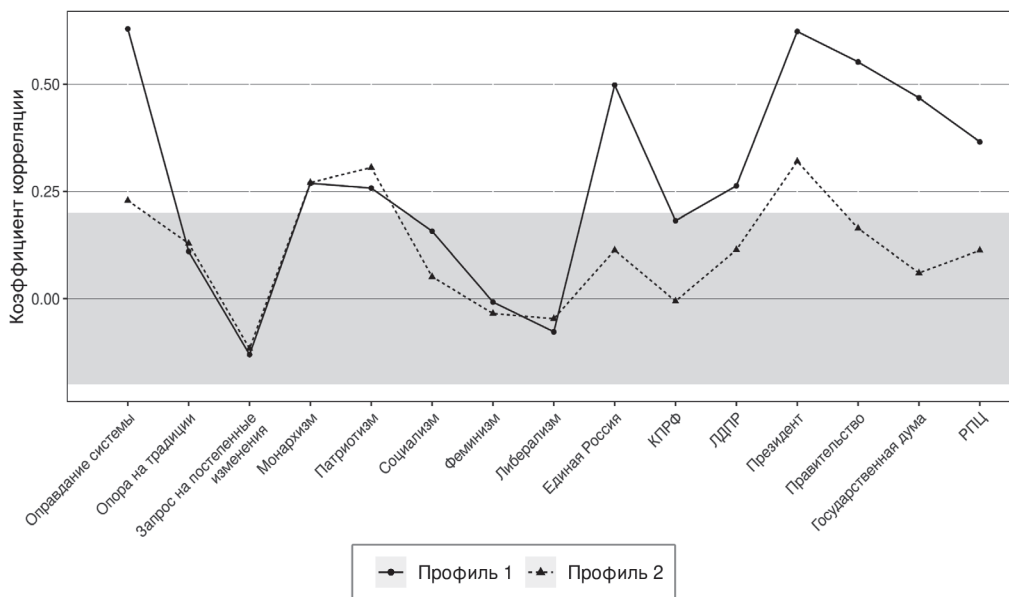

Рис. 4. Результаты корреляционного анализа фокальных переменных (N=125)
 Примечание. Серая заливка по обе стороны от нуля указывает на зону незначимых коэффициентов корреляции

ношением к монархизму, патриотизму и ко всем партиям и институтам (сильнее всего с отношением к президенту 0,64).

Обсуждение результатов

Итак, в анкетировании, проведенном в 2019 г., мы просили участников оценить отношение к идеологиям, политическим партиям и институтам. В конце анкеты им также задавался вопрос о поддержке политического курса со строгим бинарным вариантом ответа (да, или скорее да/нет, или скорее нет). Анализ показал, что на основании этих ответов об отношении можно выделить всего два профиля, которые различались только более позитивным отношением к президенту, патриотизму и монархии. Те респонденты, которые попали в этот профиль — условно, с запросом на сильного лидера-государственника, — в целом больше поддерживали проводимый курс, по которому идет Россия, и были склонны оправдывать текущее положение дел в стране. Они выступали за сохранение статуса-кво.

В целом, по всей видимости, содержательно П1 связан с П1 из исследования 1 («консерваторы»), а П2 — с П3 («либералы»). Профиль, похожий на П2 из исследования 1, мог быть не выделен по причине сочетания двух факторов: меньшей распространенности данного профиля (в исследовании 1 всего лишь 15% участников) и меньшего размера выборки исследования 2.

Кроме того, похоже, что отношение к президенту — это центральный узел в сети политической идентичности респондентов, на нем базируется все остальное: и отношение к партиям, и отношение к другим институтам [19]. Эти результаты перекликаются с исследованием коллективного нарциссизма и авторитарных

установок россиян, опубликованным недавно [6]. В этой связи интересно, что в концепции отношений «харизматический лидер-последователь» Дж. Поста важное место отводится как раз нарциссизму [34].

Заключение

По результатам двух исследований мы обнаружили, что различия между профилями в большей мере относятся к спланированным моральным основаниям, как известно, связанным с мотивацией для оправдания системы [39]. В то время как идея справедливости была одинаково важна для россиян с любым из обнаруженных профилей. Хотя в США либералы придают большее значение индивидуализирующим моральным основаниям, тогда как консерваторы придают одинаковое значение им всем [10].

С другой стороны, наибольшие различия между профилями политической идентичности россиян наблюдались по позитивному отношению к капитализму, свободному рынку и свободе слова, а также к президенту, патриотизму, монархии, военной и национальной безопасности. Эти различия были связаны с поддержкой текущего российского политического курса и проявлением к нему лояльности. Обнаруженные связи с моральными основаниями перекликаются с полученными в России ранее [16]. Это также поддерживает вывод, что именно спланированные, а не индивидуализирующие моральные основания являются основой социально-политических взглядов россиян. Кроме того, это соответствует различиям в политической ориентации «консерватизм-либерализм» относительно социальных и экономических взглядов в России.

Угрозы мотивируют россиян придерживаться авторитарных установок и по-

зитивно относиться к государственному контролю [6; 35]. По всей видимости, мотивация россиян зависит от принятия рисков изменений ради будущего развития либо отказа от них в пользу безопасности, стабильности, предсказуемости текущего политического курса.

Наши результаты имеют ограничение в плане обобщаемости, мы не можем сказать, в какой пропорции найденные паттерны распределены среди российского населения, какова его региональная, поколенческая, возрастная и др. социодемографическая специфика. Кроме того, хотя стоит ожидать воспроизводимость ключевых связей, сложно оценить устойчивость во времени некоторых из полученных результатов.

Тем не менее результаты наших двух исследований обнаружили некоторые важные аспекты профилей политической идентичности россиян, отражающие

социально-психологические различия между теми, кто поддерживает текущий политический курс, и их оппонентами (не так принципиально, например, они предпочли бы либо демократический путь развития, либо обращение к советскому прошлому и т.д.). По всей видимости, в психологическом плане ключевым компонентом политической идентичности россиян можно считать авторитарное подчинение. С другой стороны, политические взгляды дифференцирует выбор между запросом на безопасность («стабильность») или развитие.

Учитывая настоящие и ранее полученные результаты в России, на наш взгляд, наиболее перспективным направлением будущих исследований является продолжение изучения аспектов патерналистских установок и коллективного нарциссизма, а также их антецедентов.

Литература

1. Агадуллина Е.Р. [и др.]. Теория оправдания системы: новый взгляд на проблему неравенств // Современная зарубежная психология. 2021. № 1(10). С. 132–141.
2. Алексеев С.А., Гаязова Э.Б., Ильясова Ф.Ф. Политическая активность и политическая идентичность молодежи в современных условиях // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5(124). С. 181–184.
3. Алибегиев Ш.А. Концептуализация понятия политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России // Власть. 2016. № 11(24). С. 100–105.
4. Вицентий И.В. Политическая идентичность как фактор политической толерантности студенческой молодежи // Власть. 2016. № 2(10). С. 155–160.
5. Волков Д., Гончаров С. Сводный Аналитический Отчет. Демократия в России: установки населения. М.: Левада-Центр, 2015. 43 с.
6. Григорьев Д.С. От патриотизма к политическому тоталитаризму: роль коллективного нарциссизма // Национальный психологический журнал. 2020. № 4(40). С. 48–60.
7. Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. № 4(28). С. 30–44.
8. Гулевич О.А., Неврюев А.Н. Личностные детерминанты отношения к войне как способу решения международных конфликтов // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 58–68.
9. Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть I. Определение, методы измерения и проблемы изучения // Психологический журнал. 2020. № 5(41). С. 18–24.

10. *Гулевич О.А.* Психологический анализ политических ориентаций. Часть II. Предикторы и последствия политических взглядов // Психологический журнал. 2021. № 1(42). С. 46–55.
11. *Иванова А.Е.* Политическая идентичность россиян: анализ парадоксальной динамики // Власть. 2009. № 2. С. 85–89.
12. *Неврюев А.Н., Гулевич О.А., Некрасова Е.* Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и социальная установка по отношению к войне (на примере гражданской войны в Сирии) // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 4. С. 17–26.
13. *Попова О.В.* Развитие исследований политической идентичности в отечественной политической науке // Политическая экспертиза. 2013. № 2(9). С. 205–219.
14. СоциоДиггер. Гражданский активизм [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2021. № 8(2). 42 с. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_032021.pdf (дата обращения: 13.02.2022).
15. *Сычев О.А., Белоусов К.И., Протасова И.Н.* Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73(21). С. 60–77.
16. *Сычев О.А., Протасова И.Н., Власов М.С.* Моральные основания и намерение участвовать в голосовании на выборах президента России // Социальная психология и общество. 2020. № 2(11). С. 38–53.
17. *Сычев О.А., Власов М.С., Протасова И.Н.* Моральные основания и консерватизм как основа политических взглядов и предпочтений молодежи // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики» (г. Барнаул, 27–28 сентября 2018 г.) / Под ред. Е.С. Аничкина и др. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 93–97.
18. American Social Attitudes Data Sourcebook, 1947-1978 / P.E. Converse, J.D. Dotson, W.J. Hoag, W.H. McGee. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 392 p.
19. *Batkina A., Grigoryev D.* Authoritarianism in modern Russia. Fifth Annual American Political Science Association Political Psychology Conference (Washington, DC, July 12-15 2019). Washington, DC: Georgetown University, 2019.
20. *Bergman L.R., Trost K.* The Person-Oriented Versus the Variable-Oriented Approach: Are They Complementary, Opposites, or Exploring Different Worlds? Merrill-Palmer Quarterly. 2006. № 3(52). P. 601–632.
21. *Converse P.E. et al.* American social attitudes data sourcebook, 1947-1978. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1980. 392 p.
22. *Duckitt J., Sibley C.G.* The Dual Process Motivational Model of Ideology and Prejudice // The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice / Sibley C.G., Barlow F.K. (eds.). Cambridge University Press, 2017. P. 188–221.
23. *Everett J.A.C.* The 12 Item Social and Economic Conservatism Scale (SECS) // PLoS ONE. 2013. № 12(8). P. 1–11.
24. *Federico C.M. [et al.]* Mapping the Connections between Politics and Morality: The Multiple Sociopolitical Orientations Involved in Moral Intuition // Political Psychology. 2013. № 4(34). P. 589–610.
25. *Graham J. [et al.]* Mapping the moral domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. № 2(101). P. 366–385.
26. *Gulevich O. [et al.]* How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine // Group Processes & Intergroup Relations. 2017. № 3(20). P. 382–395.
27. *Gulevich O., Sarieva I.* Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2015. Vol. 12. No. 3. P. 30–40.
28. *Hadarics M.* Conservation motivation, social equality and left-right ideological preferences in Western and Eastern Europe // Europe's Journal of Psychology. 2017. № 2(13). P. 336–351.

29. Haidt J., Joseph C. Intuitive ethics: How innately prepared intuitions generate culturally variable virtues // *Daedalus*. 2004. № 4(133). P. 55–66.
30. Jack R.E., Crivelli C., Wheatley T. Data-Driven Methods to Diversify Knowledge of Human Psychology // *Trends in Cognitive Sciences*. 2018. № 1(22). P. 1–5.
31. Jost J.T. [et al.]. Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological Bulletin*. 2003. № 3(129). C. 339–375.
32. Jost J.T. [et al.]. Missing in (Collective) Action // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. № 2(26). P. 99–108.
33. Jost J.T. Resistance to change: A social psychological perspective // *Social Research*. 2015. № 3(82). P. 607–636.
34. Post J.M. Narcissism and the Charismatic Leader-Follower Relationship // *Political Psychology*. 1986. № 4(7). P. 675–688.
35. Prusova I.S., Gulevich O.A. The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia // *International Journal of Psychology*. 2019. № 2(55). P. 305–314.
36. Rindskopf D. Latent Class Analysis // *The Sage Handbook of Quantitative Methods in Psychology* / Millsap R.E., Maydeu-Olivares A. (eds). Sage Publications Ltd., 2009. P. 199–216.
37. Sabucedo J.M. [et al.]. Axiological-Identitary Collective Action Model (AICAM): A new integrative perspective in the analysis of protest // *PLOS ONE*. 2019. № 6(14). P. 1–17.
38. Sarieva I. How to measure perceived political efficacy? A three-component scale. *Psychology* // *Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Vol. 15. No. 3. P. 477–490.
39. Strupp-Levitsky M. [et al.]. Moral “foundations” as the product of motivated social cognition: Empathy and other psychological underpinnings of ideological divergence in “individualizing” and “binding” concerns // *PLOS ONE*. 2020. № 11(15). C. 1–19.
40. White K.R.G. [et al.]. The Resistance to Change-Beliefs Scale: Validation of a New Measure of Conservative Ideology // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2020. № 1(46). P. 20–35.
41. Willis G.B. Cognitive interviewing: a tool for improving questionnaire design. Thousand Oaks: Sage Publ, 2005. 335 p.

References

1. Agadullina E.R. [et al.]. Teoriya opravdaniya sistemy: novyi vzglyad na problemu neravenstv [System Justification theory: a new perspective on the problem of inequality]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 2021, no. 1(10), pp. 132–141. DOI:10.17759/jmfp.2021100113 (In Russ.).
2. Alekseev S.A., Gayazova E.B., Il'yasova F.F. Politicheskaya aktivnost' i politicheskaya identichnost' molodezhi v sovremennykh usloviyakh [Political activity and political identity of the youth in modern conditions]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2017. Vol. 124, no. 5, pp. 181–184. (In Russ.).
3. Alibegilov Sh.A. Kontseptualizatsiya ponyatiya politicheskoi identichnosti v kontekste formirovaniya tsivilizatsionnoi identichnosti Rossii [The concept of the concept of political identity in the context of the formation of civilizational identity in Russia]. *Vlast' = Power*, 2016. Vol. 24, no. 11, pp. 100–105. (In Russ.).
4. Vitsentii I.V. Politicheskaya identichnost' kak faktor politicheskoi tolerantnosti studencheskoi molodezhi [Political identity as a factor of political tolerance of student youth]. *Vlast' = Power*, 2016. Vol. 10, no. 2, pp. 155–160. (In Russ.).
5. Volkov D., Goncharov S. Svodnyi Analiticheskii Otchet. Demokratiya v Rossii: ustanovki naseleniya [Consolidated Analytical Report. Democracy in Russia: attitudes of the population]. Moscow: Levada-Tsentr, 2015. 43 p. (In Russ.).
6. Grigoryev D.S. Ot patriotizma k politicheskomu totalitarizmu: rol' kollektivnogo nartsissizma [From Patriotism to Political Totalitarianism: The Role of Collective Narcissism]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2020. Vol. 40, no. 4, pp. 48–60. (In Russ.).

7. Grigoryev D.S. Razrabotka korotkoi versii shkal iz metodiki Dzh. Dakkita: avtoritarizm pravogo tolka, orientatsiya na sotsial'noe dominirovanie, vera v opasnyi i konkurentnyi mir [Development of a short version of the dual process model scales: right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2017. Vol. 28, no. 4, pp. 30–44. (In Russ.).
8. Gulevich O.A., Nevryuev A.N. Lichnostnye determinanty otnosheniya k voine kak sposobu resheniya mezhdunarodnykh konfliktov [Personal determinants of attitudes towards war as a way to resolve international conflicts]. *Voprosy psikhologii = Psychology Issues*, 2016, no. 3, pp. 58–68. (In Russ.).
9. Gulevich O.A. Psikhologicheskii analiz politicheskikh orientatsii. Chast' I. Opredelenie, metody izmereniya i problemy izucheniya [Psychological analysis of political orientations. Part I. Definition, methods and problems of study]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2020. Vol. 41, no. 5, pp. 18–24. (In Russ.).
10. Gulevich O.A. Psikhologicheskii analiz politicheskikh orientatsii. Chast' II. Prediktory i posledstviya politicheskikh vzglyadov [Psychological analysis of political orientations. Part II: Predictors and consequences of political views]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2021. Vol. 42, no. 1, pp. 46–55. (In Russ.).
11. Ivanova A.E. Politicheskaya identichnost' rossiyan: analiz paradoksal'noi dinamiki [Political Identity of Russians: Analysis of Paradoxical Dynamics]. *Vlast' = Power*, 2009, no. 2, pp. 85–89. (In Russ.).
12. Nevryuev A.N., Gulevich O.A., Nekrasova E. Vera v spravedlivyi mir, grazhdanskaya identichnost' i sotsial'naya ustanovka po otnosheniyu k voine (na primere grazhdanskoi voiny v Cirii) [Belief in a just world, civic identity and social attitude towards war (on the example of the civil war in Syria)]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2018. Vol. 39, no. 4, pp. 17–26. (In Russ.).
13. Popova O.V. Razvitie issledovaniy politicheskoi identichnosti v otechestvennoi politicheskoi nauke [Development of studies of political identity in Russian political sciences]. *Politicheskaya ekspertiza = Political expertise*, 2013. Vol. 9, no. 2, pp. 205–219. (In Russ.).
14. SotsioDigger. Grazhdanskii aktivizm [Elektronnyi resurs] [Civil activism]. VTSIOM, 2021. Vol. 2, no. 8(2). 42 p. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_032021.pdf (Accessed: 13.02.2022). (In Russ.).
15. Sychev O.A., Belousov K.I., Protasova I.N. Tsennostnye i moral'nye osnovy sotsial'no-politicheskikh vzglyadov molodezhi [Value and moral foundations of the socio-political views of youth]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2019. Vol. 21, no. 73, pp. 60–77. (In Russ.).
16. Sychev O.A., Protasova I.N., Vlasov M.S. Moral'nye osnovaniya i namerenie uchastvovat' v golosovanii na vyborah prezidenta Rossii [Moral Foundations and Intention to Vote on Presidential Elections in Russia]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 38–53. (In Russ.).
17. Sychev O.A., Vlasov M.S., Protasova I.N. Moral'nye osnovaniya i konservatizm kak osnova politicheskikh vzglyadov i predpochtenii molodezhi [Moral foundations and conservatism as the basis of political views and preferences of young people]. In E.S. Anichkina et al. (eds) *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye voprosy obshchei i yuridicheskoi psikhologii: obrazovanie, pravo i sotsial'nye praktiki"* (g. Barnaul, 27-28 sentyabrya 2018 g.) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Actual problems of general and legal psychology: education, law and social practices"]. Barnaul: Publ. Alt. un-ta, 2018, pp. 93–97. (In Russ.).
18. American Social Attitudes Data Sourcebook, 1947-1978 / P.E. Converse, J.D. Dotson, W.J. Hoag, W.H. McGee. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 392 p.
19. Batkhina A., Grigoryev D. Authoritarianism in modern Russia. Fifth Annual American Political Science Association Political Psychology Conference (Washington, DC, July 12-15 2019). Washington, DC: Georgetown University, 2019.

20. Bergman L.R., Trost K. The Person-Oriented Versus the Variable-Oriented Approach: Are They Complementary, Opposites, or Exploring Different Worlds? *Merrill-Palmer Quarterly*, 2006. Vol. 52, no. 3, pp. 601–632.
21. Converse P.E. [et al.]. *American social attitudes data sourcebook, 1947-1978*. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1980. 392 p.
22. Duckitt J., Sibley C.G. The Dual Process Motivational Model of Ideology and Prejudice. In C.G. Sibley, F.K. Barlow (eds.). *The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice*. Cambridge University Press, 2017, pp. 188–221.
23. Everett J.A.C. The 12 Item Social and Economic Conservatism Scale (SECS). *PLoS ONE*, 2013, no. 12(8), pp. 1–11.
24. Federico C.M. [et al.]. Mapping the Connections between Politics and Morality: The Multiple Sociopolitical Orientation Involved in Moral Intuition. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 4, pp. 589–610.
25. Graham J. [et al.]. Mapping the moral domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101, no. 2, pp. 366–385.
26. Gulevich O. [et al.]. How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017. Vol. 20, no. 3, pp. 382–395.
27. Gulevich O., Sarieva I. Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 2015. Vol. 12, no. 3, pp. 30–40.
28. Hadarics M. Conservation motivation, social equality and left-right ideological preferences in Western and Eastern Europe. *Europe's Journal of Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 2, pp. 336–351.
29. Haidt J., Joseph C. Intuitive ethics: How innately prepared intuitions generate culturally variable virtues. *Daedalus*, 2004. Vol. 133, no. 4, pp. 55–66.
30. Jack R.E., Crivelli C., Wheatley T. Data-Driven Methods to Diversify Knowledge of Human Psychology. *Trends in Cognitive Sciences*, 2018. Vol. 22, no. 1, pp. 1–5.
31. Jost J.T. [et al.]. Political conservatism as motivated social cognition. *Psychological Bulletin*, 2003. Vol. 129, no. 3, pp. 339–375.
32. Jost J.T. [et al.]. Missing in (Collective) Action. *Current Directions in Psychological Science*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 99–108.
33. Jost J.T. Resistance to change: A social psychological perspective. *Social Research*, 2015. Vol. 82, no. 3, pp. 607–636.
34. Post J.M. Narcissism and the Charismatic Leader-Follower Relationship. *Political Psychology*, 1986. Vol. 7, no. 4, pp. 675–688.
35. Prusova I.S., Gulevich O.A. The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia. *International Journal of Psychology*, 2019. Vol. 55, no. 2, pp. 305–314.
36. Rindskopf D. Latent Class Analysis. In Millsap R.E., Maydeu-Olivares A. (eds). *The Sage Handbook of Quantitative Methods in Psychology*. Sage Publications Ltd., 2009, pp. 199–216.
37. Sabucedo J.M. [et al.]. Axiological-Identitary Collective Action Model (AICAM): A new integrative perspective in the analysis of protest. *PLOS ONE*, 2019. Vol. 14, no. 6, pp. 1–17.
38. Sarieva I. How to measure perceived political efficacy? A three-component scale. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 477–490.
39. Strupp-Levitsky M. [et al.]. Moral “foundations” as the product of motivated social cognition: Empathy and other psychological underpinnings of ideological divergence in “individualizing” and “binding” concerns. *PLOS ONE*, 2020. Vol. 15, no. 11, pp. 1–19.
40. White K.R.G. [et al.]. The Resistance to Change-Beliefs Scale: Validation of a New Measure of Conservative Ideology. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2020. Vol. 46, no. 1, pp. 20–35.

41. Willis G.B. Cognitive interviewing: a tool for improving questionnaire design. Thousand Oaks: Sage Publ, 2005. 335 p.

Информация об авторах

Муминова Азхария Мухаматовна, студентка магистратуры, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru

Титов Александр Сергеевич, аспирант, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1280-954X>, e-mail: atitov@hse.ru

Баткина Анастасия Александровна, кандидат психологических наук, академический директор, Аспирантская школа по психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0397-296X>, e-mail: batkhina.anastasia@gmail.com

Григорьев Дмитрий Сергеевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Information about the authors

Azkhariya Muminova, Master student, Intern-Researcher, Center for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru

Alexander Titov, PhD student, Intern-Researcher, Center for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1280-954X>, e-mail: atitov@hse.ru

Anastasia Batkhina, PhD in Psychology, Academic Director, Doctoral School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0397-296X>, e-mail: batkhina.anastasia@gmail.com

Dmitry Grigoryev, PhD in Psychology, Research Fellow, Center of Socio-Cultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Получена 23.07.2021

Received 23.07.2021

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022